

2149

ИРКУТСКІЯ

55

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЪВЕДЕНІЕ

ИЗДАВАНІЕ.

Выходитъ ежене-
дѣльно.
Цѣна годовому из-
данію въ Иркутскѣ
5 р., съ перес. по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка прини-
мается исключ.
въ Редак. Ирк.
Епархіальн. Вѣд.
при Духовной
Семинаріи.

ДЕКАБР. 12

1881 г.

№

50

СОДЕРЖАНІЕ: Списокъ священнослужителямъ, коимъ назначено произнесеніе проповѣдей въ иркутскомъ кафедральномъ Богоявленскомъ соборѣ въ теченіи будущаго 1882 года.

СПИСОКЪ

священнослужителямъ, коимъ назначается произнесеніе проповѣдей въ Иркутскомъ кафедральномъ Богоявленскомъ соборѣ въ теченіи будущаго 1882 года.

1. Ректоръ дух. семинаріи архм. Григорій - - - - -	1 января.	28 марта.
2. Настоятель Вознесенскаго монастыря архимандритъ Веніаминъ	29 іюня.	22 октября.
3. Начальникъ миссіи архиманд. Макарій - - - - -	10 октября.	25 декабря.
4. Кафедральный протоіерей Аванасій Виноградовъ - - - - -	2 марта.	27 ноября.
5. Благочинный протоіерей Степандръ Орловъ - - - - -	26 февраля.	30 августа.

Прото- іерей:	Василій Карташевъ.	24 іюня.	26 ноября.
	Григорій Можаровъ.	7 февраля.	8 сентября.
	Іоаннъ Чирцевъ.	31 января.	6 августа.
	Стефанъ Струковъ.	14 сентября.	25 марта.
	Петръ Пономаревъ.	28 февраля.	10 октября.
	Стефанъ Литвинцевъ.	29 августа.	14 ноября.
Свя- щенни- ки:	Михаилъ Успенскій.	2 февраля.	22 іюля.
	Плья Лабинъ.	17 мая.	15 августа.
	Николай Шеметовъ.	17 октября.	28 ноября.
	Александръ Назанскій.	14 февраля.	26 сентября.
	Владиміръ Знаменскій.	7 марта.	26 іюля.
	Симеонъ Писаревъ.	9 мая.	8 іюля.
	Григорій Шергинъ.	6 мая.	11 іюля.
	Валеріанъ Громовъ.	17 января.	8 августа.
	Феодоръ Литвинцевъ.	21 марта.	1 августа.
	Василій Бягрянцевъ.	10 января.	25 іюля.
	Константинъ Лабинъ.	21 февраля.	18 іюля.
	Иннокентій Виноградовъ.	3 января.	5 сентября.
	Констант. Литвинцевъ.	24 января.	30 мая.
	Платонъ Корсунскій.	23 мая.	4 іюля.
	Іоаннъ Богословскій.	14 марта.	27 іюня.
	Михаилъ Очерединъ.	18 апрѣля.	4 іюля.
	Георгій Борнаковъ.	2 мая.	20 іюня.
	Іоаннъ Стуковъ.	4 апрѣля.	13 іюня.
	Василій Коныловъ.	13 февраля.	25 апрѣля.
	Измаилъ Соколовъ.	11 апрѣля.	21 ноября.
Николай Дебрскій.	6 іюня.	26 декабря.	
Евгеній Знаменскій.	8 мая.	5 декабря.	

Подгородныхъ церквей священники:

Кудинской благ.	Іоаннъ Родіоновъ.	12 декабря.
Уриковской	Петръ Благосклоновъ.	12 сентября.
Большеразвод.	Павель Сетниковъ.	3 октября.
Оек- скіе:	Александръ Казанцевъ.	7 ноября.
	Владиміръ Ларевъ.	24 октября.
Козьмин.	Константинъ Малышевъ.	19 сентября.
Тельминской	Павель Тарелкинъ.	19 декабря.
Усольской	Аѳанасій Покровской.	22 августа.
Тайтурской	Георгій Литвинцевъ.	31 октября.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВѢДОМОСТЯМЪ.

ДЕКАБРЯ 12 № 50. 1881 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Отвѣтъ на неблагопріятный отзывъ о составленной грамматикѣ монголо-бурятскаго разговорнаго языка.—Объявленія.

ОТВѢТЪ НА НЕБЛАГОПРІЯТНЫЙ ОТЗЫВЪ О СОСТАВЛЕННОЙ МНОЮ ГРАММАТИКѢ МОНГОЛО-БУРЯТСКАГО РАЗГОВОРНАГО ЯЗЫКА.

(Продолженіе).

„Два примѣчанія къ § 23 4-е и 5-е г. Позднѣевъ, для краткости, коей онъ у меня не желаетъ находить, предлагаетъ мнѣ соединить въ одно“.

Я не слилъ ихъ потому, что въ первомъ говорится о словахъ, вновь образующихся изъ корней монголо-бурятскихъ, а во второмъ о словахъ, усвояемыхъ бурятами изъ русскаго языка, искажаемыхъ въ говорѣ. Последний случай я счелъ нужнымъ изложить въ особомъ примѣчаніи, имѣя въ виду, что миссіонеру, не имѣющему о семъ яснаго понятія, въ дѣловыхъ монголо-бурятскихъ бумагахъ легко могутъ представиться чисто бурятскими терминъ: *думэ доншанин*, *глабна озашаоатил*, *исабарабник*,—то есть искажаемая русскія слова: дума, донесеніе, главный, засѣдатель, исправникъ.

Объ удареніяхъ. Г. Позднѣевъ не доволенъ моимъ понятіемъ объ удареніи на словахъ бурятскихъ“. Но вѣдь объ этой статьѣ ни слова не сказано въ сочиненіяхъ монголь-

скихъ; потому и мои предшественники, совокупно съ г. Позднѣвымъ, не могли высказаться въ семь случаѣ рѣшительно. Я считаю вѣрнымъ только, что великое большинство словъ бурятскихъ удерживаетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, вопреки г. Шмидту, который почему то вздумалъ полагать его на первомъ слогѣ. Да удивляюсь еще тому, какъ это г. Позднѣвъ въ томъ же замѣчательномъ трудѣ китаиста о. архимандрита Палладія, который выставляетъ мнѣ для справокъ: какъ пишутся въ древней китайской транскрипціи монгольскія слова съ долгими буквами,—не дочитался въ нихъ до словъ, у меня приведенныхъ: *чаань* бѣлый, *чаадай* соб. имя, *кээр* долина, вмѣсто книжныхъ монгольскихъ: *саган чага-дай кээр?*—т. е. не замѣчалъ того, что о изображеніи долгихъ гласныхъ буквъ, въ китайскихъ транскрипціяхъ, я единомысленъ съ о. Палладемъ.—Эту общую мысль нашу подтверждаетъ еще и одинъ селенгинскій бурятъ, учившійся у англійскихъ миссіонеровъ, который пишетъ напр. *асооба* спросилъ, вмѣсто *асауба*, *уулэ* облако, вмѣсто *эулэ*.

„Въ окончаніяхъ *нхи*, иначе *нхин* г. Позднѣвъ не примѣчаетъ уменьшенія относительно качества или количества и переводитъ слова: *эхэнхи* принадлежащій къ большинству, *оланхи* принадлежащій къ множеству“.—Г. Позднѣвъ въ наращеніи *нхи*, пропустивъ въ срединѣ букву *н*, обращаетъ вниманіе на одно конечное *хи* и потому выводы его не вѣрны.

Въ маньчжурскомъ языкѣ слова: *ехэнхи* и *оланхи* перереводятся: *амба муру* и *амба дулань*: великая форма, великая доля. Стало быть въ окончаніи бурятскомъ *нхи* надобно видѣть сокращенное и смягченное въ пропзношеніи слово *анхи* часть, доля: но великая и многая доля не все цѣлое, а только довольное, значительное изъ цѣлаго.

Въ монгольской христоматіи Ковалевскаго (1. стр. 66, 20) читаемъ: „*уцугэни ану надур тальби ехэнхи ану абчу одон суюрха*: т. е. „меньше отдай мнѣ, а больше возьми себѣ и отправься“. *Оланхин матар болон туруку буй* т. е. „довольно много, большею частію перерождаются въ змѣй“. Выходитъ, что и здѣсь размѣръ количества въ словахъ: великій и многій взято не во всемъ объемѣ, а уменьшено.

„Г. Позднѣевъ въ словѣ *ламахий* усматриваетъ два слова: *лама* жрецъ, и *ахай* старшій, почтенный“. Но вѣдь почти рядомъ съ *ламахай* уменьшительнымъ существительнымъ поставлено у меня *шубухай* птичка и не много выше прилагательное *магухай* плоховатый. Неужели же и въ этихъ двухъ словахъ слѣдуетъ отдѣлить *ахай* и переводить: „птица—старшая, почтенная? худой—старшій, почтенный?“

„На правило: При именахъ означающихъ животныхъ обоего пола: прилагательное, для выраженія женскаго пола, принимаетъ окончаніе *хшин*“,—г. Позднѣевъ указываетъ на примѣръ: „*эрэхчин тахя эмэхчин болджи хубиабай*: пѣтухъ превратился въ курицу,—будто бы разрушающій мое положеніе“. Нѣтъ, *эрэхшин* и *эмэхшин* сами имена существительныя, а не прилагательныя; первое значитъ самца, а второе—самку, и потому примѣръ буквально должно перевести: курица—самецъ превратилась въ курицу—самку.

Имена числительныя. Правило: „*Вмѣсто нигэ* одинъ, нѣкоторый, иногда употребляется *гахса* или *ганца* одинъ только, считается не вѣрнымъ; дополняется, что порядковое числительное у хоринцевъ и селенинцевъ кончится на *дунар*, *дугэр*“.

Послушайте, что говорить по этому случаю г. Поповъ, составитель грамматики калмыцкой: „количественное числи-

тельное *ншэн* одинъ по большой части употребляется какъ или неопредѣленный членъ или въ составныхъ числительныхъ; для опредѣленія же одного какого нибудь предмета калмыки употребляютъ числительное *гакца* одинъ, единый (§ 26)“. — Почему обычное у калмыковъ таковоже у бурятъ; и возраженія противъ *гакса* хорошій знатокъ живаго бурятскаго языка никогда не сдѣлать бы.

И если у хоринскихъ и селенгинскихъ бурятскихъ родовъ порядковое числительное иногда заимствуется изъ книжнаго монгольскаго языка и кончится на *дугар*—*дугэр*; то знакомые съ языкомъ книжнымъ этому не удивятся, помня и то, что слоги долги, каковы указанные, въ говорѣ сокращаются. Но и хоринцы и селенгинцы, употребляя прилагательные относительные на *даки*, *дэки*, тоже не будутъ изумляться, услышавъ объ именахъ числительныхъ относительныхъ съ такимъ окончаніемъ.

Склоненія. Г. Позднѣвъ учитъ, что послѣ гласныхъ буквъ, кромѣ и, — признакомъ творительнаго падежа служитъ не буква р. а слово ар“.

Такое мнѣніе поддерживается правда и калмыцкими грамматиками Попова и Бобровникова; по грамматные буряты, пиша долги гласныя, чрезъ удвоеніе русскихъ гласныхъ буквъ, какъ сказано мною выше, наращенія творительнаго падежа *ар* и *эр* никогда не изображаютъ подобнымъ образомъ. И я потому не имѣлъ побужденія итти вопреки ихъ взгляду на дѣло.

„Въ словахъ на букву: и. каковы: хуби доля, суни ночь, для творительнаго падежа г. Позднѣвъ тоже прибавляетъ долги ар, эр и затѣмъ съ конечною и превращаетъ ихъ въ яр, ер.

Я настаиваю на своемъ мнѣніи, т. е. допускаю, что здѣсь одно и измѣняется въ *я* и *е*. Доказательство: по-кал-

мычки, какъ видно изъ грамматики Бобровникова, — слова *мори*, *сунн* въ творительномъ надежѣ пишутся: *морир*, *сунир*, хотя выговариваются иначе. Буква *и* (смот. 5-й § моей грам.) и въ началѣ и въ срединѣ слова принаравляется къ господствующему звуку его; отъ того говорятъ и пишутъ въ говорѣ, вмѣсто *иман* козелъ *яман*, *мори* конь *моресо* отъ коня.

„Утверждая, что раздѣлительные числительные, на подобіе раздѣлительныхъ дѣепричастій оканчиваются *ат* и *эт*, я поставилъ примѣры: *нижет*, *хонт*“.

Здѣсь точно слѣдовало бы мнѣ добавить, что это неправильныя раздѣлительныя имена; но я полагалъ, что слѣдующіе примѣры: *горбат* по три, *зугат* по сту сомнѣвающихся выведутъ изъ недоумѣнія, тѣмъ болѣе, что и въ книжномъ языкѣ первые числительныя тоже необычно производятся отъ коренныхъ и потому знакомы предполагавшимся мною ученикамъ. А что раздѣлительныя числительныя дѣйствительно могутъ склоняться, доказываю во первыхъ примѣромъ изъ алтан тобчи: *тэрэ гадзар дологодун тологой нерэту болба*; „это мѣсто стало называться головою седмьрыхъ“ (стр. 84), во вторыхъ тѣмъ, что и раздѣлительное дѣепричастіе, — по типу коего формируются раздѣлительныя дѣепричастія, какъ напр. *киат*, могутъ подвергаться склоненію.

Мѣстоименія. Слова: „*ханахи* итѣ находившійся, *хээхи* когда бывшей? и. Позднѣевъ считаетъ считать именами прилагательными, а не мѣстоименіями вопросительными“.

Но я позволю себѣ спросить замѣчателя: что же прилагаютъ къ предмету приведенныя слова? И если онъ допускаетъ, что *аижи* который? *хэйэйги* чей? Суть мѣстоименія, то въ какую силу исключаетъ изъ разряда мѣстоименій *ханахи* и *хээхи*? Дѣло въ томъ, что какъ я первый осмѣлился допустить то, о чемъ не говорили мои предшественники.

О падежахъ. „Селенгинцы и хоринцы, равно какъ и заграничные монголы, образуютъ родительный падежъ именъ на согласныя буквы, кромѣ кончающихся на *н*, на *йи*. Въ именахъ же на эту букву оканчивающихся, наращается обыкновенно ай эй.—и только весьма рѣдко встрѣчается у нихъ приставка *и*, употребляемая у бурятъ, живущихъ на стѣверой сторонѣ Байкала. Заграничные монголы никогда не наращаютъ въ родительномъ падежѣ (послѣ *н*) *у*; въ разговорѣ оно всегда измѣняется въ ай или *и*. Примѣчаніе объ исходномъ падежѣ у монголовъ заграничныхъ не полно и примѣры его совершенно не вѣрны“.

Статья объ окончаніяхъ падежей безъ сомнѣнія одна изъ самыхъ существенныхъ во всякой грамматикѣ. По этому прошу со вниманіемъ отнестись къ опроверженіямъ замѣтокъ г. Позднѣева.

Мои сборники устной словесности увѣряютъ положительно, что имена, кончающіяся на букву *н* не только у бурятъ по сю, а и по ту сторону Байкала, т. е. у селенгинцевъ и хоринцевъ, могутъ наращаться буквою *и*. Это видно изъ многихъ пѣсней и загадокъ послѣднихъ. Г. Позднѣевъ самъ говоритъ, что такія имена въ говорѣ у заграничныхъ монголовъ обыкновенно измѣняются и на *и*. Въ *гэсэр хань* и *алтан тобчи* тоже встрѣчаются подобные случаи (Гэс. хан. стр 4 ч. 16. Алт. тоб. стр. 8).

Имена, съ окончаніемъ на другія согласныя буквы, исключая *н*,—у бурятъ балаганскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ, постоянно наращаются въ родительномъ падежѣ буквою *и* и тоже очень часто у хоринцевъ: это видимъ изъ многихъ пѣсней и загадокъ послѣднихъ. Не прочь отъ такого нарощенія и селенгинцы, какъ тоже усматривается изъ ихъ пѣсней; но и то вѣрно, что послѣдніе часто пользуются окончаніемъ *ин*. И какъ изъ печатныхъ и письменныхъ разговоровъ мон-

головъ замѣтно, что это *ин* пишется *ien*, *йн*, *ин*; то въ отличіе такого признака отъ признака родительнаго падежа по первому склоненію, я и рѣшился его писать *съ уданомъ* (ин).

Наконецъ изъ источниковъ моихъ нельзя не заключать и о томъ, что *всѣ имена*, въ случаѣ окончанія на согласныя буквы, могутъ принимать наращенія *ай*, *эй*, особливо у бурятъ хоринскихъ и селенгинскихъ.

Но я вовсе не говорилъ, что у заграничныхъ монголовъ имена съ окончаніемъ *н* являются въ родительномъ падежѣ съ наращеніемъ *у*,—*а*—съ наращеніемъ: *ну*, *ну*, *ни*; примѣры на это можно видѣть въ рукописныхъ пекинскихъ разговорахъ (стр. 191), и еще въ переводахъ не заграничнаго, а только селенгинскаго монгола Вамбуева, у меня имѣющихся.

На то же, что монголы заграничные дѣйствительно исходный падежъ, если не всегда, то очень часто, измѣняютъ на *асу*, *эсу*, *насу нэсу*, не угодно ли видѣть доказательства въ печатныхъ разговорахъ тѣхъ монголовъ (раз. 1 стр. 2. 16, 17. раз. 34, 49, 100).

Если г. Позднѣевъ не желаетъ видѣть въ словахъ: *номайн*, *христосойн*, *нухурэйн* родительныхъ падежей съ двумя наращеніями, и въ словахъ *номайна*, *нухурэйгси* винительныхъ падежей тоже съ двумя наращеніями; то пусть сперва докажетъ письменностію изъ разговорнаго языка, что окончаніе *ійн* ни съ того, ни съ сего, мѣняется на *айн*, *ойн*, *эйн*, какъ видно изъ предыдущаго. И опять если мы считаемъ равно за винительный падежъ: *шимаи* и *шимаини*, то вѣдь надобно же находить какое нибудь различіе между первымъ и вторымъ видомъ падежа винительнаго, и этому различію присвоить свою примѣту.

„Мнѣніе г. Позднѣева о томъ, что частица: *со-имѣетъ* исключительное значеніе пребыванія предмета внутри чего

либо и приданная къ имени не отвѣчаетъ на вопросъ гдѣ? и что будто бы нельзя сказать: дэбур-сө на крышѣ, —уже опровержено моимъ примѣромъ: нурсо онгосор ябүжи байжи: плавалъ въ лодкѣ по оезру (гран. 171 прим.). Или не ужели можно переводить это: плавалъ въ лодкѣ въ озерѣ.

О глаголахъ. „Подвергаются пререканію мои основанія на раздѣленіе наклоненій на формы, а формы у нѣкоторыхъ на времена“.

Мои основанія доказаны многочисленными примѣрами въ синтаксисѣ, заимствованными въ свою очередь изъ не подлежащихъ сомнѣнію источниковъ. И снова доказывать ясное считаю пустословіемъ.

„Г. Позднѣевъ думаетъ, что я, на этотъ разъ, вмѣстѣ съ Кастреномъ, —считаю окончаніями перваго и втораго лица въ нѣкоторыхъ глагольныхъ проявленіяхъ —то, что собственно составляетъ мѣстоименіе сихъ лицъ“.

А развѣ я не тоже самое подробно раскрываю въ § 107 своей грамматики. Но въ тоже время, видя изъ непрерывнаго опыта, что буряты, по крайней мѣрѣ добайкальскіе не иначе высказываютъ первыя и вторыя лица въ глаголахъ, какъ съ тѣсно слитыми мѣстоименіями, я долгомъ поставилъ въ таблицахъ спряженій *итти за дно съ бурятскимъ народомъ* и при семъ уклониться отъ пріемовъ языка книжно-монгольскаго. Не вѣрите? Всмотритесь въ то, что я лично и съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ изъ живаго говори бурятъ, живущихъ по якутскому тракту.

Когда придетъ лѣто, я пойду
домой.

Видалъ ли ты медвѣдей.

Какъ тебя зовутъ?

Гдѣ ты живешь?

Откуда ты взялъ себѣ денегъ?

Цей пока не напьешься?

Нажир. болса, гыртэ харят
ирхэм.

Хара гуругэ харахнуш?

Шимай хэн вэрэтэйби?

Хана ябаши?

Хана олабши бэедэ мунгу?

Угышта сат асара?

Умѣешь ли говорить по русски?

Если бы я зналъ грамоту, то говорилъ бы лучше?

Завтра приходи.

Забудешь ты насъ, или нѣтъ?

Когда купишь сѣно, такъ покажи его мнѣ?

Мы купимъ.

Станемъ говорить.

Шатхуш мангадар хэлэжи?
Бишахту хурахда, айса хэлэхэм.

Огла ирэрш.

Мани марташихуш али угэй гуш?

Хызэ обогн худалжи, намто Зулэйрыш

Абхабди.

Хэлсэйбди.

„Г. Позднѣевъ съ юморомъ смотритъ на то, что я въ бурятскомъ языкѣ нашелъ спряженіе именъ съ мѣстоименіями“. Но, опять скажу, изобиліе примѣровъ, представленныхъ мною въ синтаксисѣ на такую новость въ языкѣ, избавляетъ меня отъ ненужныхъ объясненій здѣсь; добавлю только, что фраза напр. *би ахаб, ши души*, гдѣ личныя мѣстоименія въ видѣ отдѣльномъ предшествуютъ словамъ: *ахаб, души*, съ коими слиты вторично тоже мѣстоименія, не говорятъ ли положительно, что тутъ есть уже характеръ спряженія? Зачѣмъ же издѣваться надъ тѣмъ, что вошло въ кровь и собою нашихъ инородцевъ?

Мѣстоименіе *юма*, положимъ и временное, не только зачастую замѣняетъ существительный глаголъ у бурятъ балаганскихъ и другихъ, кочующихъ по эту сторону Байкала, но далеко не безпримѣрно въ печатныхъ разговорахъ монголовъ заграничныхъ. Тамъ можно примѣтить такія изреченія: *боху юма, ши мэдэдэк юма, ямар халуи юма* (стр. 63 73).

Частицы „Здѣсь много растянутого и перепутаннаго“:

Сличите мое ученіе о частицахъ съ трактатіею объ этомъ предметѣ у другихъ грамматистовъ монгольскихъ, и вы замѣтите во первыхъ, что у меня говорится о частицахъ на 2½ листахъ, а у Кастрена на 5-ти, у Шмидта на 9½, у Цонова на 14-ти, во вторыхъ у меня частицы, какъ уже разъ мною сказано дѣлятся на коренныя и производныя, причемъ въ послѣднихъ примыкаютъ и временныя, не въ про-

творѣчіе названымъ грамматистамъ, по уже во все не прописываются онѣ почти весь до одной изъ словаря.

Словосочиненіе. Имена прилагательныя. „По общепринятому понятію качественными прилагательными именами называются тѣ, кои указываютъ свойства предметовъ безотносительно“:

И мое понятіе о прилагательныхъ качественныхъ вполне таковы же. Но я говорю, что оно можетъ являться и въ видѣ существительнаго то личнаго, то и отвлеченнаго, какъ по-русски въ предложеніи: *живой о живомъ и думаетъ, хвастливаго съ богатымъ не разпознаешь.* И въ такомъ смыслѣ ставлю примѣры: *залухи гэр:* юрты молодыхъ (людей); *узэхэн далай,* *узэ угэи балай:* видѣвшій—морская пучина, не видѣвшій—дурачина; причемъ и считаю прилагательными качественными слова: *залу* молодой, *балай* слѣпой, а во все не слова: *узэхэн* и *узэ угэй,* удивляясь, какъ это могло представиться воображенію г. Позднѣева?

„Разъ причисливъ прилагательныя относительныя къ качественнымъ, я продолжаю дальше давать имъ и степени сравненія“:

Прилагательныя относительныя и по-русски иногда бываютъ качественными и потому являются со степенью увеличенія своего качества или увеличенія объема: а затѣмъ и въ видѣ качественного нарѣчія, какъ-то: *превѣчный,* *самый звѣрскій,* *христіаннѣйшій,* *день денски* и т. п. Въ такомъ-то духѣ и буряты употребляютъ по два слова подрядъ; и *нархан нархан шибэн:* укрѣпленіе все изъ сосны, буквально могло бы передано быть: *пре—сосновое,* *все—сное.* Въ пѣснѣ, изъ которой взято, это выраженіе, стоятъ въ параллель: *хухун хухун шибэ—стѣпа пре—березовая,—все—березовая;* *хургун байхан сэрэ:* войско кипучее, *нам шугуй зон* народъ—пре—несмѣтный. *Албату* значитъ *ясашный,* а такимъ

именемъ называютъ *инородцевъ*—буряты, тунгусовъ: *мэхэши нюрту*, не мною выдуманно, а высказано природнымъ бурятомъ, какъ означающее: *лицемъра*, буквально *имѣющаго обманывающее лице*. Страннаго тутъ ничего нѣтъ. Знаю, что по словарю, одно *мэхэши*, кромѣ обманщика, имѣетъ еще значеніе: *лицемъра*: по видно природный, толковый буряты, знакомый и съ словаремъ, нашель, что это не вполнѣ точно.

„Осуждается мое положеніе, что винительный падежъ иногда поставляется для показанія того, что въ словѣ заключается сила, логическое удареніе“.

Какъ это одинъ изъ оборотовъ рѣчи, составляющихъ *идіотизмъ бурятскаго языка*; то прошу прислушаться къ моимъ доводамъ на допущенное положеніе.

Въ моихъ примѣрахъ: *аба эдзэн сургалм сайхан*: прекрасно наставленіе батюшки царя; *жоргон орели сайхин*: прекрасны шесть благословеній.—г. Позднѣевъ не желаетъ видѣть падежей *винительныхъ и*, находя въ частицѣ *и*, частицу притяжанія, переводимъ примѣры: „батюшка царь наставленія его прекрасны“. Но первое: въ третьемъ моемъ примѣрѣ на положеніе поставлены слова: *шамайи галдахан бэлэй: ты былъ сожженъ*. Здѣсь *шмайи* ни одинъ знатокъ бурятской рѣчи не сочтетъ другимъ падежемъ, кромѣ винительнаго. Вотъ еще примѣры изъ моей грамматики все на тоже положеніе: *сайги би боха сагалми бидэ*: если есть чай, мы должны праздновать (стр. 161); *мори саган шудунэ маха эдуйдэ* „пока вонскій бѣлый зубъ не притупѣлъ (стр. 191)“; *туни тэхэрибэ гэхыйи таняшии бійзэи*: „вѣроятно зналъ ты, что онъ возвратился“. Можно видѣть цѣлый рядъ примѣровъ на мою мысль на стр. 92 и 93 *алтан тобчи*. Мало этого. Самъ г. Позднѣевъ не замѣтно призналъ мою справедливость, сказавши (на стр. 202), что во фразѣ: *хугэ угэйи* первое слово есть *винительный падежъ*: а почему

же это? вѣдь *уэйш* переводимое *не имѣешь*, безъ всякаго прекословія, не можетъ требовать надежа внимательнаго.

Распространился я болѣе надлежащаго въ опроверженіи сейчасъ указанной неправильной замѣтки г. Поздифева потому, что и выше и ниже ея онъ высказалъ самый грозный изъ приговоровъ своихъ о достоинствѣ моего труда, какіе разсѣяны по его критической статьѣ. *Выше онъ написалъ*: „не правильности переводовъ происходятъ отъ того, что авторъ никогда не изучалъ языка, анализируя логически его элементы, не давалъ себѣ серьезнаго отчета въ построеніи бурятской рѣчи и не поставилъ важности въ изученіи ея духа и законовъ ея построенія“. *Ниже подписано*: „такого рода переводы примѣровъ и основанные на нихъ правила, кажется, лучше всего свидѣтельствуютъ о достоинствѣ его грамматики и о не пригодности ея для нашихъ училищъ на столько же, на сколько не пригодны оказались для самой грамматики критическіе осмотры авторомъ устной словесности бурятской“. Остается добавить ко всему этому одно, что замѣчатель свои порицанія основалъ *на кажется*; а *ex videtur nihil sequitur*.

О составѣ предложеній. „Первый примѣръ эпитета слѣдующій: *убулинтэ хубасу умусухинуй*: „падѣньте свое зимнее платье“. Въ примѣръ синонима представляется: *аманда, муйлэдэ, урунда средохо нюжи яда бальби*: „не могу утаить перетня во рту, за деснами, за губами“. Но неужели *идъ либо въ мръ* понимаются такимъ образомъ эпитеты и синонимы, какъ понимаетъ ихъ о. Орловъ? *зимній* у него эпитетъ платья, *десны*—синонимъ рта. Притомъ въ разборѣ понятій о предложеніяхъ они не имѣютъ никакого значенія, здѣсь всѣ эпитеты и синонимы превращаются въ подлежащія, сказуемая, слова опредѣлительныя, дополнительныя. У бурятъ, по его мнѣнію, много такихъ синонимовъ изъ царства

природы и животнаго, кои трудно передать по-русски; при-
рѣчь: *акта, хулэк, унугун, мори* и все это обозначается од-
нимъ понятіемъ „лошадь“. Но *акта*—меринъ, *хулэк*—боевой,
розовой конь, *унугун*—жеребенокъ, а *мори* значитъ вообще
лошадь“.

Отвѣтъ объ эпитетахъ. Кашанскій говоритъ: „эпите-
тами называются прилагательныя къ существительнымъ, на-
рѣчія къ глаголамъ и тѣмъ же прилагательнымъ (Рит. стр. 6“. —
Дилоновъ пишетъ: „эпитетами бываютъ части рѣчи: имена
прилагательныя, напр. птицы *перелетныя*, родительныя опре-
дленія, напр. кровать *слоновыхъ костей* (учеб. слов. стр.
16).—Моя грамматика въ § 170 подъ буквою *і*, доказываетъ,
что родительный падежъ именъ существительныхъ, употреб-
ляется въ восполненіе именъ прилагательныхъ, коихъ въ язы-
кѣ не находится примѣрами: *ойн горохон: лѣсной звѣрь;*
улинэ сэни хэлэ: скажи послѣднюю цѣну. И такъ въ сло-
вахъ *эбу лимэ хубасу* первое слово безспорно есть эпитетъ.

Отвѣтъ о синонимахъ. По Кашанскому синонимами на-
зываются „слова подобно-значащія напр. синонимы къ слову
человѣкъ: смертный, созданіе брэнное, существо слабое“. —
Но кто же скажетъ, что эти синонимы вполнѣ одно и тоже
съ понятіемъ человѣкъ? И на оборотъ, когда слышимъ въ
ев. писаніи: „*Уста ихъ глаголаша гордыню. . . языки своими*
льщаху“ . . . то кто же откажется признать слова: *уста и*
языки за синонимы? Вотъ почему и я не усумнился слова:
ротъ, десны, зубы наименовать синонимами, хотя и ни вижу
въ нихъ понятій тождественныхъ.

Значеніе словъ: *акта хулэк* и пр. продиктованное г.
Лозднѣвымъ, не мевѣ его и мнѣ извѣстно. Но вотъ бѣда:
въ пѣсняхъ бурятскихъ они еплонь и рядомъ высказываютъ
одно понятіе лошади, потому что требуются для одной рими
въ куплетахъ, напр. *акта* для того что параллельный куп-

летъ начинается буквою а. Въ словахъ же другаго моего примѣра на синонимы, трудные для перевода т. е. *бургут, тарбажи харбасар*, тоже въ пѣсняхъ встрѣчающихся для одной рѣмы, г. Поздѣевъ почему то не потрудился отыскать различіе по значенію.

Наконецъ не мѣсто здѣсь подробно толковать, какую роль занимаютъ въ предложеніяхъ эпитеты, синонимы, противныя. Выскажу одно: въ нихъ сжаты цѣля предложія, доводы объяснительные (*illustrantia*) къ предложенію голому, такъ что предложеніе голое, дополненное ими, -- по моему составное,—смѣло можно считать за зародышъ умствованія силлогизма.

„*Ю хеху бэлэй мэдэнэ угэйб*: „я не знаю, что дѣлать“ Г. Позднѣевъ въ словахъ: „что дѣлать“ не усматриваетъ придаточнаго существительнаго предложенія съ смысломъ поясненія. Прежде всего я убѣжденъ, что всякое придаточное предложеніе есть вмѣстѣ и пояснительное (*argumentum illustrans*) иначе для чего же оно и придается къ главному? Затѣмъ думаю, что эту фразу можно было бы сократить въ одво существительное отглагольное; и сказать: *я не знаю дѣланія* или лучше *дѣла*. Но фраза была бы темна, потому что неизвѣстно было бы: съ какой стороны я не знаю дѣла, т. е. ели существа, принадлежностей, вида и пр.? Здѣсь же въ предложеніи существительномъ уяснено, что рѣчь идетъ только о приступѣ къ дѣлу—какому вибудь.

„Въ примѣрѣ придаточнаго существительнаго предложенія съ значеніемъ вопроса, именно: *Модо хахана хугидулану та*: „слышали ли, какъ дрова трещать“? г. Позднѣевъ замѣчаетъ вопроса и говоритъ: представленный авторомъ примѣръ ясно доказываетъ, что вопросъ выражается здѣсь г причастіемъ въ косвенномъ падежѣ, а настоящимъ временемъ относительно формы глагола“.—Примѣръ приведенъ в

для главною предложенія, въ которомъ и я вижу смыслъ вопроса *дуланута*: слышали ли? а на придаточное: „какъ дрова горятъ“? объясните же мнѣ, какимъ приѣмомъ тутъ переведенъ вопросъ: какъ? Жаль, что г. Позднѣевъ не подмѣтилъ въ бурятскомъ языкѣ одного изъ самыхъ употребительныхъ способовъ высказывать вопросительное придаточное предложеніе, что встрѣчается часто и въ книжномъ монгольскомъ языкѣ, и вообще должно быть признано за *идіотизмъ* обоихъ нарѣчій. Другіе примѣры не относятся, по приговору г. Позднѣева, къ дѣлу; таковы: *биди шиги тэрэ сакту мэдэ угэй: хана байгабди тэнгэри дэрэ ю, али гадзар дэрэ ю*: „и мы въ то время не знали: гдѣ мы находились—на небѣ или на землѣ“?—Но измѣните одно слово: *байгабди* въ причастіе *байхани* и вы найдете, что тутъ появится опять придаточное существительное предложеніе съ значеніемъ вопроса, вмѣсто главнаго, которымъ, какъ замѣчено у меня въ грамматикѣ въ § 250 подъ буквою *г*, замѣняется иногда предъидущее—придаточное.

„Примѣры *салхатай эдур гарху дурам угэй*: Я не люблю выходить въ вѣтренную погоду; *шанду унэни хэлэху*: сказать вамъ правду; *харьдани угэй лэлэ хара наран гэлэйлэ* „для освѣщенія горъ служитъ солнце и мѣсяцъ“,—не кажутся г. Позднѣеву заключающими въ себѣ смыслъ предложений обстоятельственныхъ, означающихъ цѣль.—Онъ продолжаетъ: изъ числа этихъ предложений два положительно и ни въ какомъ случаѣ не могутъ выражать цѣли; третье же надобно перевести: „освѣщающія горы, говорятъ, солнце да луна“.—Въ словахъ: выходить въ вѣтренную погоду, и по ученію г. Позднѣева, надобно находить дополнительныя слова къ главному предложенію: „я не люблю“. Распространите дополненіе, заключающееся въ глаголѣ выходить и переведите всю фразу буквально, напр. у меня нѣтъ желанія, чтобы

выходитъ въ внутреннюю погоду, и вы обретете искомое придаточное предложене съ значеніемъ *цъ.м.*, хотя, охотно признаюсь, тутъ оно сжато. Попробуйте слова: *сказать вамъ правду* перевести хоть на языкъ латинскій *ut dicam vobis verum*, и тоже вы не затруднитесь въ изреченіи: *танду унэни гэлэйэ* признать придаточное предложене *цъ.м.* Въ третьемъ примѣрѣ самъ г. Позднѣевъ находитъ предложене *цъ.м.*, но желаетъ переводить его такъ, что устрояетъ изъ него одно подлежащее съ опредѣлительнымъ словомъ—безъ сказуемаго, за то разъединяемое вноснымъ предложеніемъ. А изъ куплета пѣсни, откуда мною заимствованъ примѣръ, очевидно, что такого примѣра иначе, чѣмъ у меня, перевести нельзя. Первая половина куплета: оканчивается словомъ *гэлэй.э*, вторая половина гласитъ: *хайт зои гэлэй.мэхэ эжин саган хан би*: „а для просвѣщенія вельможей и народа есть бѣлый Царь Государь“; и такъ—въ частности *гэлэй.э* слѣдуетъ передавать: не *говорятъ*, а *есть, служатъ*“.

На остальные мнимыя ошибки не вижу побужденій и отвѣчать, потому что, еслибы онѣ и существовали, грамматика отъ нихъ никакого вреда не потеряла бы. Неделikatность же, съ которой молодой ученый рецензировалъ мой, даже по его словамъ написанный не наобумъ трудъ, охотно ему прощаю; тѣмъ болѣе, что будучи въ Иркутскѣ, проѣздомъ въ Монголію, онъ предъ всѣми вель себя кротко и смиренно и даже, не извѣстно, по какому мотиву, предъ лицами знатными *), конечно позаочью, превозносилъ мои свѣдѣнія въ монголо-бурятскомъ языкѣ и ставилъ ихъ выше глубокихъ познаній въ немъ г. Голстунскаго,—доктора монгольской словесности. При такой окказіи мнѣ не оставалось безъ сомнѣнія ничего болѣе, какъ улыбаться. . .

---

*) Предъ двумя владыками.

6.

„Уничживъ въ своемъ воображеніи мою грамматику г. Позднѣевъ, мимоходомъ въ критической статьѣ, касается переводовъ на монголо-бурятскомъ разговорномъ языкѣ, одобренныхъ къ напечатанію комиссіею переводчиковъ въ Казани при братствѣ св. Гурія; и допускаетъ мысль, что для руководства при производствѣ такихъ переводовъ и составлена моя грамматика, а въ письмѣ въ NN, *) мнѣ сообщенномъ, провозглашаетъ, что упомянутые переводы нивѣмъ не признаются удовлетворительными“.

Да будетъ извѣстно, что грамматику свою я принялся составлять, болѣе сорока лѣтъ назадъ, стало быть въ такую пору; когда не существовало ни комиссіи казанскихъ переводчиковъ, не замышлялось еще и самыхъ переводовъ. Итакъ я вовсе не думалъ поддерживать или не поддерживать бурятскихъ переводовъ въ томъ духѣ, въ какомъ они критикуются.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Редакціи Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Въ 1882 году Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться по прежней программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ (годъ XX-й).

Редакція покорнѣйше проситъ о. о. благочинныхъ и причты церквей поспѣшить подпискою на Вѣдомости, на 1882 г. и высылкою денегъ, а также убѣдительно проситъ рекомендовать и другимъ, любящимъ духовное чтеніе, выписывать оныя для себя.

---

*) Т. е. къ Высокопреосвященнѣйшему Веніамину, архіепископу иркутскому.

Любители духовнаго просвѣщенія приглашаются къ пресвѣщенному участию въ трудахъ изслѣдованія Сибирскаго края въ церковно-административномъ, историческомъ, этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ. Редакція съ признательностію приметъ всякіе матеріалы, собранные съ ученою цѣлію, хотя бы въ необработанномъ видѣ, надѣясь дать всему приличное мѣсто.

Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить еженедѣльно при Иркутской духовной Семинаріи. Цѣна годовому изданію: въ Иркутскѣ, съ доставкою на домъ, 5 руб. 50 коп. и для иногородныхъ—съ разсылкою по почтѣ тоже 5 руб. 50 коп., безъ доставки 5 руб.

Адресъ: въ г. Иркутскѣ, въ Редакцію Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, при духовной Семинаріи.

ВЪ ТИПО-ЛИТОГРАФІИ СИНИЦЫНА

ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

МѢСЯЦЕСЛОВЪ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ, съ отрывающимися листками на каждый день и заключающій въ себѣ кромѣ разныхъ церковныхъ свѣдѣній и историческія, касающіеся Сибири. Цѣна въ Иркутскѣ 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ТАБЕЛЬ ПРАЗДНИКАМЪ НА 1882-й ГОДЪ. Ц. 10 коп., съ пересылкою (подъ бандеролью) 12 коп. Приобрѣтающимъ болѣе 20-ти экземпляровъ дѣлается уступка.

Получены календари Гоппе и Суворина. Цѣна 1 руб. 60 коп. съ пересылкою 2 руб.

Редакторъ, Ректоръ Иркутской Духовной Семинар. *Архимандритъ Григорій.*

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинарѣи *Яковъ Стуковъ.*

Иркутскъ, 1881. Типографія Н. Н. Синицына, Харл. ул. д. № 92.